

Наталья Сазонова

До встречи в раю

Наталья Сазонова
До встречи в раю

«Издательские решения»

Сафонова Н.

До встречи в раю / Н. Сафонова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830444-6

Странная и мистическая история, случившаяся с девушкой-фотографом,
изменившая её жизнь и оставившая глубокий след в её памяти.

ISBN 978-5-44-830444-6

© Сафонова Н.
© Издательские решения

До встречи в раю

Наталья Сазонова

© Наталья Сазонова, 2016

ISBN 978-5-4483-0444-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Погожий весенний день солнечными лучами заполняет во все укромные уголки, он требует проснуться и безоговорочно радоваться жизни. Видеть солнечные блики на изумрудных листьях, купаться в ощущениях безмятежности и тягучести этого прекрасного мира. Как я люблю игру света и тени в этот ранний час. Ажурность чугунной ограды, отпечатанной на стене. Мимо пробегают люди, ушедшие вглубь себя, произнося свои мысленные диалоги, раскручивающие свои многотрудные задачи. А я просто улыбаюсь, иду им навстречу с очаровательной улыбкой, и вижу их недоумевающие взгляды, чему тут собственно можно радоваться, ведь жизнь так трудна и сложна. Но ведь жизнь действительно прекрасна в этой своей простоте и незатейливости, достаточно просто идти, дышать, видеть и слышать, это ли не повод, чтобы ощущать всепоглощающую радость. На самом деле, я сама довольно часто углубляюсь во всевозможные мелочи своей жизни, мусолю их и перетираю, пытаюсь найти лучший выход из сложившейся ситуации, а потом, как правило, все как-то решается само собой, даже без каких-либо усилий с моей стороны, причем именно так, как это было бы лучше всего для всех участников событий. И я начинаю верить в то, что есть те, кто лучше нас знает, как всё должно быть, они дают нам знаки, подсказки, которыми мы вольны воспользоваться или нет, они сталкивают людей, предназначенных друг другу, и те вольны понять это или же идти каждый своей дорогой. У человека всегда есть свобода выбора. Я часто задумываюсь над всеми этими хитросплетениями жизни, но сегодня мне даже думать не хотелось.

Я наблюдала эту жизнь, полную своей очаровательной прозы, стараясь заметить то, мимо чего равнодушно проходят другие. Старая обшарпанная стена, заброшенные качели или просто спящая на лавочке кошка. Мой взгляд цеплял эти тонкости, а фотоаппарат фиксировал все эти незатейливые мелочи жизни. Это было мое хобби, мое отдохновение, моя жизнь. Ведь в обычной жизни я трудилась... фотографом. В одном из лучших глянцевых изданий. Я снимала в студии и на природе, бесконечно придумывая все новые и новые антуражи для съемок. Иногда я даже просыпалась ночью от неожиданно пришедшей идеи или фишки, срочно записывала это в своем карманном блокноте, и снова засыпала. Ведь я знала, что если мысль или идея не будет записана, она бесследно испарится, словно она и не приходила в мою шальную голову. Да, я почти не расставалась с моим заезженным Кэноном, я снимала городскую жизнь, природу, портреты друзей. И никогда не могла насытиться, мне всегда казалось, что я еще не воплотила и миллионной доли своих идей, и всегда знала, что могу лучше. Я никогда не бывала довольна результатом, и всегда из-за этого переживала. Я и сама толком не знала, чего хочу. Многие мне завидовали, ведь я работала в замечательном коллективе, постоянно куда-то летала с толпой юных моделей, посещала престижные мероприятия и вечеринки, была знакома с кучей известных и влиятельных людей, которые мило мне улыбались, надеясь попасть в кадр. Но это была словно пена моей жизни, которая иногда очень утомляла, и которую так хотелось сдуть, чтобы понять, что же я чувствую на самом деле, чего хочу, и к чему стремится моя душа. Именно поэтому я и совершала эти незапланированные вылазки, о которых никто не знал. Все мои снимки играющих детей, трещин в стенах и обшарпанных лавочек хранились в отдельной папке, которую я тоже никому не показывала, как и свой дневник, в котором хранила самые ценные моменты своей жизни. Сегодня был мой редкий выходной, когда не надо было сверять все дела в моем ежедневнике, надеясь, что одно событие не «наедет» на другое (хотя так

частенько и случалось, учитывая закон подлости). У меня было лишь приглашение на открытие выставки неизвестного мне художника, которое прислал мой хороший знакомый, в красках описывая его необычный талант, заметив, что если я не приду, то очень много потеряю. Я еще не знала пойду или нет (это зависело от моего настроения и ещё от кучи самых разных причин). Кто-то позвонит, куда-то пригласит. Я в своей жизни побывала на таком огромном количестве всевозможных мероприятий, и на еще большем не смогла побывать, так что присутствие или отсутствие на одном из них ничего в моей жизни не изменило бы.

И потом всегда случалось что-то незапланированное, что рушило карточный домик моих идей, в итоге все шло наперекосяк, но в этой незапланированности и была своя прелесть, потому что случиться могло что угодно. Раздался телефонный звонок и я услышала в трубке взволнованный голос моей давней знакомой Аллы. Она просила срочно зайти к ней, у нее дело, не требующее отлагательств. Я уже очень давно знала Аллу, и понимала, что любой пустяк был у нее делом важным и безотлагательным. На мое счастье, я оказалась совсем недалеко от ее дома. Квартира Аллы была обставлена с необычайной изысканностью, каждая вещь была на своем месте. Муж Аллы постоянно находился на работе, в разъездах, детей у них не было, и поэтому ей приходилось все время чем-то себя занимать. Конечно, большую часть времени занимали посещения всевозможных массажных кабинетов, Алла знала в этом толк, постоянно выискивая всё новых интересных специалистов, которых ей рекомендовали подруги. Периодически она посещала курсы рисования, фитодизайна, шитья, и других искусств, но все они быстро ей наскучивали, и она постоянно искала в объявлениях что-то новенькое. Главной же ее страстью было посещение антикварных магазинов. Она ездила на самую окраину города, многие вещи покупала с рук, и всё это из-за своей неумной страсти к украшению своей огромной квартиры. Она постоянно что-то меняла в ней, перекрашивала стены, покупала новые люстры, перевешивала картины. Её кладовка ломилась от всяческого старья, ажурных статуэток, старинных банкеток, удивительных по форме зеркал в разнообразной оправе, но Алла никогда ничего не выбрасывала, ведь она знала, что больше такой уникальной вещицы она нигде и никогда не найдет. Часто интерьер ее квартиры менялся до неузнаваемости за один день, и муж, вернувшись из командировки, мог несколько минут стоять в глубокой задумчивости, размышляя, а его ли вообще это квартира, и не ошибся ли он подъездом, не смотря на то, что ключ вроде бы подошел. Надо сказать, что человеком он был весьма мягким и добрым, и позволял своей слегка сумасбродной жене любые безумства. Он лишь тяжело вздыхал, уединялся в своем кабинете и просил его не беспокоить. Было ощущение, что они живут в разных мирах или даже на разных планетах, и объединяли их только званые вечера, где Алла блистала в умопомрачительно дорогих и вычурных нарядах, производя эффект «разорвавшейся бомбы», а потом еще долго рассказывала гостям, как и при каких обстоятельствах, был найден и куплен ее наряд. Вообще каждую свою покупку она могла превратить в настоящее приключение, и целый вечер могла живописать все его подробности тем, кто готов был ее слушать. Я относилась к людям, которым нравится минимализм и простор, поэтому единожды обставив свою квартиру, больше ничего в ней не переделывала, за исключением полки с сувенирами и магнитов на холодильнике, которые привозила из всех своих поездок. Да и потом меня почти не было дома, бывало, что я только ночевала у себя, а все свободное время проводила за компьютером, отбирая и отшлифовывая получившиеся снимки.

По правде сказать, я догадывалась, зачем я понадобилась Алле. Зная мою безотказность и чувство ответственности, она частенько пользовалась моими услугами. Как обычно, весело воркуя о новом удивительном массажисте, втиравшем в ее тело алтайский мед, Алла делилась своими впечатлениями о нежных руках этого загорелого молодого парня и о своих неописуемых ощущениях от этого процесса. Я тихонько потягивала дорогущий кофе, особо не вдаваясь в ее болтовню, размышляла о своем, лишь изредка понимающе кивала головой и улыбалась. Я

знала, что это всего лишь прелюдия, чтобы задобрить и уболтать меня. Алла знала мой плотный график, и старалась, чтобы я расслабилась и никуда не заторопилась.

– У тебя ведь есть время? Ты не убежишь?

– Ну, если ничего не случится, я вся в твоём распоряжении. – отшутилась я.

– Я покажу тебе удивительное платье, купила его в одном магазинчике на окраине. Как только увидела, сразу поняла, что это именно то, что нужно. Вот увидишь, это будет трендом сезона.

Она потащила меня в гардеробную. А я уже прикидывала, как будет лучше падать свет, потихоньку убирала ненужный хлам. Алла позвала меня, чтобы сделать очередную фотосессию на недавно купленной банкетке, в новом платье. Ведь эти фото она выставляла в соц. сетях, ожидая восторженных откликов. День пролетел незаметно за разговорами, шутками, воспоминаниями. Ближе к вечеру мы наконец распрощались, я пообещала, что в ближайшее время отретуширую и скину лучшие фото.

Тихая прохлада вечера убаюкивала меня, хотелось просто идти, растворяясь в медлительности этих улиц, вглядываясь в лица прохожих, улыбаться собственным мыслям. Я бы наверное и дальше брела по этим сонным вечерним улочкам, но мой взгляд привлекло двухэтажное здание, расположенное в глубине дворов, на почти темной улице оно сияло и переливалось светом, у входа стояли дорогие иномарки, женщины в изысканных нарядах под руку со своими респектабельными спутниками, плавно втекали внутрь. Было ощущение, что за этими дверями происходит какое-то удивительное действо. Я несколько минут стояла поодаль, ощущая себя золушкой, так и не дождавшейся доброй феи. И вдруг услышала голос своего старого знакомого.

– Арина, заходи, сейчас начнется. – и критически заметил, – ты почему в джинсах? А ладно, и так сойдет.

Оказалось, что по странному стечению обстоятельств, бредя куда глядят глаза, я пришла в нужное место. Подняв глаза, я увидела красочную афишу «Илья Домашев „Сны наяву“». Дамы из высшего света брезгливо косились на меня, но заметив мой Сапоп, облегченно вздохнули (дескать пресса, у них и одежды-то приличной нет) и начинали принимать свои лучшие позы, делая вид, что непринужденно болтают и совсем не замечают меня. Это как раз то, что мне нужно и теперь уже я почувствовала себя хозяйкой положения. Я случайно оказалась на выставке того самого художника, куда меня так завлекал мой знакомый. «Значит всё идет по плану» – мелькнула шальная мысль.

На середину залы вышел благообразный старичек и произнес трогательную речь о виновнике торжества. О том, как маленький Илюша не желал играть в машинки и солдатиков, а совсем наоборот исписывал стены комнат своими «шедеврами», что страшно огорчало его маму. Но когда она поняла, что ее отпрыска ждет большое будущее, она смирилась, да и сын к тому времени перешел с обоев на холсты. Все эти трогательные воспоминания были довольно уморительно переплетены шутками и теплым изысканным юмором, что большинство гостей расслабились и благожелательно заулыбались. Далее оратор перешел к тому, как Илья довольно скоро нашел свой путь в непростом мире искусства, занял там свою нишу, и продолжает радовать своих поклонников новыми идеями, не уставая экспериментировать. Кажется, этот человек мог говорить до бесконечности, вспоминая различные истории из жизни, и рассказывая, как он случайно стал свидетелем рождения очередного шедевра, но тут кто-то незримый подал ему знак, старичёк покорно замолчал и пригласил всех в следующий зал. Он был такой милый и трогательный, что я не удержалась и сделала несколько его фото.

– Это была потрясающая речь, – шепнула я ему, проходя мимо. Он как-то щемяще заулыбался, было видно, что он мог бы рассказать еще много интересного, но в этом великосветском обществе, где свои правила, ему было не очень уютно. Хотя многие подходили, жали ему руку или одобрительно хлопали по плечу.

Все вошли в следующий зал. Теплый полумрак окутал вошедших, глаза должны были привыкнуть к этому матово-размытому свету. Чувствовалось, что продумана каждая деталь. Картины располагались в небольших нишах, чтобы каждый мог подойти и постоять около каждой из них. Гости разбрелись по залу, а я вошла в первую нишу. Мне трудно описать то, что я почувствовала, все эти цвета, мазки, накладывающиеся и переходящие друг в друга, словно раздвигали пространство, окутывая тебя. Создавалось ощущение погружения, вхождение в картину, но и там пространство продолжало расширяться и уводить за собой. Раньше я только рассматривала картины, детали, образы, они рождали настроение. Но такое я испытывала впервые. Понимая, что погружаюсь всё глубже, я отчетливо начала видеть очень яркие образы, даже слышать приглушенные голоса. От переизбытка эмоций у меня закружилась голова, и стало как-то не по себе. Я выглянула из ниши и увидела перешептывающихся гостей, рассматривающих картины. Кажется никто из них не почувствовал того, что испытала я. Или они так умело скрывают свои эмоции? Их ведь уже ничем не удивишь. Мне захотелось уйти, но не потому, что не понравилось, а потому, что даже одной картины мне было много, похоже на передозировку. Я незаметно вышла на улицу, взглянула на афишу, чтобы узнать сколько продлится выставка, и медленно побрела домой.

Дома я безуспешно старалась уснуть, даже заварила себе ромашковый чай. Но стоило мне закрыть глаза, как я вновь оказывалась в этой многомерной картине, словно в другом, параллельном мире. Это было безбрежное пространство космоса, который принял меня в себя. Вселенная отнюдь не безмолвствовала, она жила своей жизнью, я слышала шепот звезд, тихие вздохи планет. Я была там и кожей ощущала эту жизнь. Может у меня что-то с психикой, или в напитки, которыми нас угощали на презентации, подмешали что-то галлюциногенное? Я не знала как еще объяснить то, что творилось со мной. Лишь к утру я забылось тревожным сном, и во сне подлетала к планетам, пытаюсь рассмотреть, что же на них происходит.

Утром я решила перестать обо всем этом думать, выпила чашку крепкого кофе и занялась насущными делами. Просмотрев свой ежедневник, я обнаружила, что в студии мне нужно было быть лишь к 11, поэтому я решила немного погулять. Странно, мир будто обрел другие краски, они стали ярче и объемнее. Неужели искусство может так влиять на человека, менять его сознание, восприятие. На душе была приятная легкость, я ныряла в подворотни, сразу видела хороший кадр и нажимала на затвор. Было похоже, что увеличилась скорость моего восприятия и расширился горизонт обозреваемой картинки. Я наслаждалась этим новым ощущением, и следовала тому потоку, что меня вёл. Я подняла глаза и увидела несколько раскидистых деревьев, смутное ощущение дежа вю. И вдруг я поняла, что это то место, где я была вчера. Только я не сразу его узнала. Вчера оно было местом притяжения, светилось и блистало, сегодня его вообще было трудно заметить. Я поискала афишу, зашла внутрь и купила билет. Меня поразило таинственное безлюдье. Только вчера место, блиставшее огнями и светскими персонами, сегодня походило на среднестатистический, ничем не примечательный музей. Струшка – билетерша кивнула на входную дверь и вновь углубилась в счет петель. Странное ощущение, интересно, а так потрясшие меня картины сегодня тоже будут тусклыми и бесцветными?

В зале царил полумрак, в косых голубоватых лучах света роились бесчисленные пылинки. Я не удержалась и сделала снимок (нечасто встретишь такой свет). И тут я поняла, что я не одна в зале, в одной из ниш кто-то был, значит я не единственный посетитель этого загадочного места. Уже с некоторым трепетом я вошла в нишу и медленно подняла глаза. Мазки, наслаивающиеся один на другой, силуэты женщины и мужчины, дерево, сад... И вновь водоворот накрыл меня и я оказалась в совершенно ином пространстве, услышала пение птиц, чей-то быстрый и невнятный шепот, и еще запах, удивительно нежный, чуть сладковатый, чьи-то шаги, едва уловимое прикосновение...

Мне было так хорошо, спокойно, чудесное умиротворение окутало меня. Но я почувствовала на себе чей-то пристальный, заинтересованный взгляд. Поодаль от меня стоял молодой человек в вылинявшей майке и потертых джинсах и с любопытством, и даже с усмешкой рассматривал меня. Я постаралась сделать вид, что ничего не происходит, а заодно прочла название картины «Райские кущи». Но молодой человек был явно заинтригован моим замешательством, подошел ближе и встал у меня за спиной.

– По-моему, мазня какая-то, такое переплетение мазков, что и сюжета не разобрать, – съязвил он, усмехнувшись. – А Вы что здесь видите? – обратился он ко мне.

Я была настолько потрясена случившимся, что не смогла соврать.

– Вы знаете, меня эти картины затягивают внутрь. Я словно оказываюсь внутри картины, вижу очень яркие образы, слышу звуки, даже запахи. Ещё вчера на открытии выставки я ощутила это, но так испугалась, что решила, что мне всё это почудилось, и вот решила прийти сегодня – проверить, и снова... Я даже хотела поговорить с другими посетителями, чтобы узнать происходит ли с ними нечто подобное, и встретила Вас... Здесь больше никого нет и мне больше не с кем поделиться.

Его взгляд изменился, из цинично-шутливого стал пристально-изучающим. Казалось, что даже цвет глаз поменялся, он вообще стал каким-то другим. Слезла маска неотесанного дурачка, и я увидела перед собой доброго, заботливого и вежливого ценителя прекрасного. Он обнял меня за плечи и тихо, в самое ухо прошептал.

– Знаете, с Вашим складом психики, я думаю, что Вам не стоит смотреть больше одной картины за раз. Это может вызвать необратимые последствия. Я Вас не пугаю, но я думаю, что лучше нам выйти на улицу. Да, извините, забыл представиться – Илья.

– Домашев? – вдруг осенило меня. Тут я спохватилась и занервничала.

– Но ведь билет дорогой. Сколько же я оставлю здесь денег, если буду приходиться и смотреть по одной картине?

– Я думаю, что дело поправимое. Я могу договориться с билетершей, тетей Ниной, и она будет пускать Вас бесплатно. А можно сделать ещё проще, посмотреть картины в моей мастерской. Да и если вдруг Вам станет не по себе, я смогу оказать первую медицинскую помощь. Минералка, виски, бренди, небольшой диванчик, чтобы прилечь, если закружится голова.

Образ милого и сердечного юноши рушился на глазах, являя мне обычного оболыстителя, расставляющего сети для очередной доверчивой жертвы. Мой взгляд потускнел, но Илья словно прочел мои мысли.

– Ради Бога, назовите свое имя, так нам будет проще общаться.

– Арина.

– Милая, чудесная Арина, я вовсе не стремлюсь хитростью затащить Вас в свою мастерскую, напоить и предаться безобразным оргиям. – он громко расхохотался, видимо представив себе эту сцену. – Нет, вовсе нет, – его голос стал мягче.

– Просто я знаю, как мои картины влияют на некоторых людей. Благодарение Богу, не на всех. Как раз на очень немногих. Если бы они так влияли на всех, то все психушки были бы переполнены людьми, посетившими мои выставки, а в психиатрии появился бы новый термин «синдром Домашева», ушлые доктора защищали бы диссертации, изучая его, а мной занялись бы соответствующие органы. Не слишком мрачная картина получилась?

– И все равно, Илья, почему они так действуют не на всех? Что с нами не так?

– Это вопрос чувствительности, я бы даже сказал сверхчувствительности. Большинство людей после выставки подходят и хамовато так говорят: «Редкостная мазня, хаос какой-то, двоичником что ли был?» Они выросли на Шишкине, Айвазовском, им все должно быть понятно. Вот мишки на дереве, вот кораблекрушение или бурлаки на Волге. Для них уже Ван Гог или Гоген – это что-то расплывчатое, размытое и оттого непонятное, нет сюжета, персонажей. Эту

живопись нужно чувствовать, вбирать в себя, иметь определенный угол зрения, качества психики.

– Илья, я очень далека от живописи, совершенно ничего в ней не понимаю. Ну, есть несколько любимых картин. Я любитель, дилетант. Так же как и в музыке, кино, и почти во всем. Я занимаюсь фотографией.

– Совсем не обязательно быть знатоком искусства. Это очень даже хорошо, что ты далека от всего этого. Ценители знают всё о художниках, их биографию, периоды творчества, перипетии личной жизни и как она влияла на творчество, но они не чувствуют, не могут просто стоять, смотреть и наблюдать за теми эмоциями, что рождает в них то или иное произведение. Любители особо ценны, но не все. Таких, как ты – мало. Ты тонко чувствуешь: людей, ситуацию, видишь яркие сны, у тебя хорошая интуиция.

– Да, интуиция меня не подводит, а вот я её иногда подвожу, когда начинаю рассуждать логически или быть очень ответственной. Но в остальном – все видят сны, все чувствуют людей – в этом нет ничего особенного.

– Извини, но мои картины как раз и являются лакмусовой бумажкой в определении людей. Мнение одних я уже озвучил. Люди чувствующие иногда подходят со слезами на глазах, они не могут объяснить, что с ними происходит, их переполняют разнообразные, порой очень сильные чувства, хотя иногда они совсем ничего не могут рассмотреть в этой «мазне», и когда я увидел сегодня твой блуждающий взгляд, подумал, что ты как раз из тех, кого накрывают эмоции. Но когда ты стала говорить, я понял, что ты из породы «сверхчувствительных», я встречал всего несколько таких людей.

– И что они чувствовали или видели?

– Приблизительно то же, что и ты. Одна уже довольно пожилая женщина была у меня в мастерской, ходила от картины к картине, и внезапно упала замертво. Я безумно испугался, притащил напатырь, стал бить по щекам. Благо, это оказался всего лишь обморок. Но когда она пришла в себя, она рассказала то же, что и ты. Картины втягивали ее в себя, она блуждала по ним. Но поскольку она подумала, что это естественный эффект от моих картин, она переходила от картины к картине, и одно пространство наслаивалось на другое. Естественно, что психика не смогла этого выдержать и она просто отключилась. Тогда я и понял, что таким людям, как ты больше одной картины смотреть не стоит. Впечатления от вхождения должны улететь, и лучше к следующей картине переходить только через несколько дней. Я сам пока ещё не совсем понял и изучил этот феномен, поскольку, как я уже говорил, мне довелось встретить совсем мало таких людей, если честно – ты у меня четвертая.

Я судорожно взглянула на часы, было половина 11го.

– Илья, мне безумно интересно то, что ты рассказываешь, но я очень тороплюсь.

– Ничего страшного. Дела, дела, я всё понимаю.

Он положил мне в руку свою визитку, и слегка ее пожал.

– Если захочешь поболтать – звони, – он как бы слегка извинялся за то, что отвлек меня своей болтовней.

– Извини, но я правда жутко тороплюсь.

– Удачи! – бросил он на прощание.

Весь оставшийся день прошел, как во сне. Я выставяла свет в студии, обсуждала с гримерами оттенки макияжа, перебрасывалась ничего не значащими шутками с моделями, но понимала, что мои мысли постоянно куда-то соскальзывают. Всплывали фразы Ильи о картинах. Я никогда не думала, что люди так по разному могут воспринимать творчество. Иногда, сидя на концерте классической музыки, я видела, как многие абсолютно погружаются в себя, переживая невероятную бурю эмоций, многие, не сдерживаясь, плакали. И я всегда думала, вглядываясь в их лица, что же чувствует каждый из них. Каждый так уникален и неповторим, что словами порой просто невозможно передать то, что чувствуешь. Насколько эмоции слож-

нее и глубже слов. Порой, эта невозможность передать то, что ты чувствуешь, просто невыносима. Какое множество оттенков у чувств, и как порой грубы слова, что иногда хочется просто молчать и находить понимание и единение именно в этом пространстве молчания. Возможно, лишь творчество, но только настоящее творчество, идущие из глубин души, дает нам ту глубину и объем, то состояние, которое мы сами переживали и безуспешно пытались донести до других людей. Искусство творит пространство, создает атмосферу, входя в которую ты понимаешь всё без слов. Слова больше не нужны, достаточно лишь взгляда, проникновения, когда двое объединены общим состоянием и постигают, и чувствуют одно. Словно сонастроившись и звуча в унисон.

Уже дома всё теребила в руках небольшую белую карточку, где было написано «Илья Домашев. Художник» и его телефон. Безумно хотелось позвонить, договориться о встрече, оказаться в его мастерской и вновь погрузиться в его картины. Это стало каким-то наваждением. Я стала по-другому ощущать мир: ярче, сочнее, объемнее. И хотелось еще хотя бы раз испытать этот эффект погружения. Или хотя бы эффект погружения в глаза Ильи, которые меняли цвет в зависимости от его настроения. Я очень отчетливо понимала, что мой привычный мир рухнет на глазах, все мои достижения отходят на задний план, а впереди только неизвестность, но она с огромной силой затягивала меня. Да и хотелось ли мне сопротивляться? Единственное, что смущало, что я для него всего лишь подопытная, на которой он исследует действия своих картин. Ведет дневник наблюдений, сравнивает мои результаты с результатами предыдущих испытуемых. В этом вихре мыслей, я забылась сном. Мне снился Илья в белом халате, включенный, с очками на носу. Он бегал по лаборатории, уставленной колбами, что-то смешивал, переливал, нагревал, лихорадочно делал записи. А в углу в небольшой коробочке тихо попискивали несколько белых мышей, ждущих своей очереди на проведение эксперимента. Мордочка одной мышki была такой испуганной и жалкой, я присмотрелась и узнала в ней себя. В ее тихом писке я едва различила «Отпусти меня домой, Илюша. Я жить хочу».

Проснулась я в холодном поту. Нет, всё, с меня хватит. Пусть Домашев находит себе новых подопытных. Я в эти игры не играю. Взяла себя в руки, и просто отгоняла от себя все эти навязчивые мысли, которые мешали мне сосредоточиться на моей привычной жизни. Кажется прошло дней десять. Не скажу, что они дались мне легко. Я вздрагивала, когда видела в толпе людей, похожих на Илью, мне постоянно снились очень странные и яркие сны, которые я помнила до мелочей. Иногда, после очередного сна, я уже схватилась за телефон, но тут со всей отчетливостью всплыл образ маленькой беззащитной мышki с жалобным взглядом. И уж если меня так перевернули всего лишь два похода в музей и вхождение в картины Домашева, то что со мной будет, если я, очертя голову, начну погружаться в мир его мистических картин. Ведь он и сам сказал, конечный пункт назначения – психушка. А я туда совсем не тороплюсь. Я с таким трудом добывала себе место под солнцем, знакомилась с нужными людьми, беспрестанно делала фоторепортажи, мотаясь по городам и весям, чуть ли не задаром делала портреты. Словом пахала как вол, чтобы осуществить свою мечту. В мире фотографии очень жесткая конкуренция, и каждый день ты должен доказывать себе и окружающим, что ты растешь, делаешь интересные фотографии. Здесь некогда почитать на лаврах, твоего промаха ждет стая молодых, креативных новаторов, готовых на всё.

История с Ильей и его картинами начала потихоньку забываться, жизнь вошла в свое русло, сны больше не мучили. Я безумно устала в тот день, было уже очень поздно, когда я подошла к своему дому. Очень хотелось встать под теплый душ, чтобы смыть с себя всю усталость и проблемы дня. Неожиданно от дерева отделился силуэт мужчины и направился в мою сторону. Человек оказался в зоне света фонаря.

– Илья? Как ты меня нашел?

– У меня свои источники, которые я не сдаю. Но, честно говоря, это было не очень сложно.

– Что, больше никто из посетителей не входит в твои картины? – довольно холодно поинтересовалась я.

– Честно говоря, я почему-то так и подумал, что ты увидишь во мне лишь человека, изучающего феномен моих картин. Но я ведь просто человек, творческий, интересующийся, где-то бесшабашный, любящий приключения и вообще всё новое.

Илья так трогательно и даже забавно смотрел на меня своими голубыми глазами, что я вмиг оттаяла.

– А почему твои глаза все время меняют цвет?

– Я такой с рождения, какая-то аномалия, как и вся моя жизнь.

– Я очень устала. Если ты не из пугливых, приглашаю тебя подняться в мою «берлогу».

– А что там у тебя? Музей сушеных тараканов? Или кровь всех твоих поклонников, разлитая по пробиркам и подписанная, дабы не забыть? Я готов дать тебе немного своей.

– Фу, Илья, что за странные мысли живут в твоей голове? – я сделала вид, что рассержена, но на самом деле я просто обожала его «черный» юмор. Наверное потому, что сама так шутить не умела, смелости не хватало. А он был как бы вне рамок и границ.

– Просто у меня бардак. Это ведь у замужних дам везде красивые вазочки с цветами, скатерки и всегда пахнет чем-то вкусным. А я даже кота завести не могу, так как он повесится от скуки и одиночества, да еще и записку оставит: «В моей смерти прошу винить Арину П.»

– Ты еще мою мастерскую не видела. Я иногда оттуда неделями не выхожу.

– А кто же тебе еду приносит? Или ты суши заказываешь?

– Жена. Она, кстати, восхитительно готовит.

Мы уже поднялись на мой этаж и стояли у двери. Да, Илья никогда не перестанет удивлять меня. А чего я собственно ждала, что такой красивый, умный и талантливый мужчина будет жить один и общаться только со своей Музой. Да и вообще, я ведь всего лишь подопытная мышь. Он и своей жене, наверное, так и рассказал про меня: «еще одна сверхчувствительная нашлась. Скоро будет музей „входящих“ в мои картины». Я и сама не поняла, почему это так больно меня задело, ведь мы виделись всего один раз. Как всегда в таких случаях, я обворожительно улыбнулась и, как ни в чем не бывало, сказала.

– Добро пожаловать в мою скромную обитель.

В моей полупустой квартире в углу были свалены журналы по фотографии, по стенам были развешаны снимки, которые я считала шедеврами и мечтала когда-нибудь сделать хоть что-то похожее.

– Очень уютно. – сказал Илья и принялся внимательно изучать мои любимые шедевры.

– Это ты снимала?

– Если бы... Если бы я сделала хоть пару таких снимков, я бы уже могла спокойно умереть.

– Да, что-то в этом есть...

– Вот это что-то и нужно уловить. Это магия.

Я оставила Илью за внимательным созерцанием, а сама отправилась в душ. Выйдя, я спросила.

– Кофе, чай, виски, бренди?

– Минералки, если можно или сок.

– Надо посмотреть, что есть в моем холодильнике. Иногда там бывает только повешенная мышь.

– Жареные мыши – это экзотика. Я сам часто перебиваюсь ими.

– Ура! Есть сок, апельсиновый. И даже лед есть.

– Напиток богов. Амброзия.

Илья был на удивление неприхотлив. Он расположился на моем вылинявшем ковре, потягивал сок и с интересом листал журналы. Мир фотографии был для него «терра инкогнита».

– Хочешь, как-нибудь поснимаю тебя.

– Я плохо получаюсь на фотографиях.

– Да ты что, я редко встречала такие удивительные лица, в тебе столько загадки, твой взгляд постоянно меняется и излучает все оттенки эмоций. Ты просто уникальный.

– Я уже покраснел до кончиков ушей. Уже давно никто так не сыпал комплиментами в адрес моей персоны. Я думал, что это прерогатива мужчин – осыпать женщин томными словами, убаюкивая их внимание.

– Я это как фотограф говорю. Просто у тебя лицо интересное, а уж я их немало повидала, поверь мне.

– Хорошо, согласен. На самом деле у меня всего-то фотографий десять наберется, никогда не любил лезть в кадр. Но нужно же что-то внукам будет показывать, где я молодой и красивый, а то они будут думать, что я всегда был седым и старым.

– Хорошо, я придумаю что-нибудь особенное, чтобы соответствовало твоему внутреннему миру.

– Ну, мой внутренний мир очень обширен и богат. И тебе придется провести много дней «у ног учителя», чтобы тебе приоткрылся мой внутренний мир.

– Я готова. Уверена, что меня захватят истории из твоей жизни, твои мысли, твои ощущения, твои сны.

– О, о моих снах можно написать целую книгу. Почти все они очень яркие, живые, как погружение в другие миры. Просыпаясь, я помню всё до мелочей. Собственно из-за них я и стал писать свои картины. Мне хотелось, чтобы кто-то тоже увидел мои сны, вошел в них, почувствовал то же, что чувствую я, а иногда это настолько сильные и волнующие чувства, что я несколько дней нахожусь под их впечатлением. Но чувства невозможно передать словами, невозможно узнать, что чувствует другой человек – язык слишком беден. Да и картинами тоже не всегда удается. Но... я делаю всё, что в моих силах. Это просто острое желание поделиться, это единственный способ, доступный мне. Наверное, музыка наиболее могущественна в передаче чувств, но к моему великому стыду – у меня даже слуха нет.

– У тебя есть другой дар. – едва слышно произнесла я. Мы так мило болтали, но я чувствовала, что разговор всё равно зайдет о картинах. Слишком уж яркое и неизгладимое впечатление они производили, во всяком случае, на меня.

– Я много ночей видела образы из твоих картин, слышала звуки, чувствовала запахи, даже прикосновения. Эти образы преследовали меня даже днем. А ведь я видела только две твои картины.

– Значит, ты больше не была на выставке...

– Илья, я чувствовала, как мой привычный мир рушится. Мне казалось, что я схожу с ума. Ты ведь сам говорил, что таким, как я надо постепенно входить в твой мир, иначе могут быть необратимые последствия.

– Знаешь, а я ведь пишу самые обычные картины: пейзажи, натюрморты, портреты. Портретами, кстати, зарабатываю себе на жизнь. Для богатых людей фотография – это слишком простое, приземленное. Им подавай портрет, в золотой раме, которым они украсят холл своего огромного дома и будут показывать многочисленным гостям. Вот так всё прозаично, я лишь художник, обслуживающий прихоти богачей, я внимательно слушаю их наставления и указания, а затем исправляю и вымарываю то, что им не понравилось. А эта выставка, так, для души... На ней собрались те, чьи портреты я писал. Они, конечно, не поняли, не вошли, некоторые лишь брезгливо передернули плечами. А мне все равно, здесь – я настоящий, я не марионетка, которая по их прихоти двигает ручками и ножками, рисует их сальные и пошлые лица,

превращая их в более человеческие и благообразные, открывает рот только тогда, когда это нужно. Например, чтобы посмеяться над совсем несмешной шуткой, или отвесить комплимент хозяйке.

– А твоя жизнь – не сахар...

– Ну что ты, многие менее удачливые сокурсники, завидуют мне черной завистью. У Домашева столько заказов, он вращается в таких кругах, у него и слава, и деньги. Даже персональную выставку себе может позволить.

Глаза Ильи становились все более серыми, почти черными. Я никак не могла привыкнуть к этой особенности. Словно передо мной был уже совсем другой человек.

– А то, что Домашев, как проклятый, пишет эти лубочные портреты, месяцами не выходя из мастерской. То, что лучшие его годы уходят на эту халтуру, чтобы его семья ни в чем не нуждалась. А что я скажу Богу, когда приду ТУДА, мол использовал свой дар для улучшения условий своей жизни. А где те картины, ради которых я родился? – Илья так сжал руки, что они побелели, я думала, что сейчас он или зарыдает или начнет истерически хохотать. Атмосфера наэлектризовалась, и я попыталась как-то смягчить его диалог.

– Но ты же пишешь, я видела твои картины. Они невероятны, они так сильно воздействуют.

– Это капля в море, Арина. Я мог бы больше, лучше. Но мои картины никому не нужны и неинтересны. Я творю ради таких, как ты. Но если бы я писал только их, я бы умер с голоду, да и вся моя семья.

– Но ведь многих художников признали после смерти.

Илья очень долго смотрел на меня, а потом начал смеяться как сумасшедший. Он катался по полу, и, кажется, даже плакал от смеха.

– Арина, ты неисправимая оптимистка. Тебе надо быть психологом. Ты заряжаешь людей просто невероятной уверенностью в своих силах. Где ты этому научилась?

Я совсем не понимала, что его так рассмешило. Я всегда думала, что художники, особенно великие, творят ради славы, которая переживет их. Ведь многие из них при жизни ютились в ветхих коморках, голодали, а после смерти их картины продают на аукционах за баснословные деньги, они украшают лучшие музеи мира. О чем еще можно мечтать? А Илья вообще не похож на голодающего, да и одет он хоть и просто, но очень стильно.

Мне открылась какая-то новая грань этого человека. Несмотря на его видимую уравновешенность и дружелюбие, где-то глубоко внутри, его тоже терзают и мучают все эти вечные вопросы, над которыми бились и еще долго будут биться люди, лежа в ночной тишине, сидя долгие годы в тюремной камере, прожигая свою жизнь в увеселениях и развлечениях, или простые обыватели, ведущие свою размеренную и уютную жизнь. Иногда они вскидывают глаза к небу и вопрошают «А зачем я живу? Зачем я пришел на эту странную голубую планету? И что я оставлю после себя, когда покину ее?». И тогда вопросы успеха и престижа уходят на задний план, и появляется что-то главное, что-то сокровенное, идущее из самых глубин души. Кто-то всё так же размеренно продолжает жить дальше, отгоняя от себя эти «вечные» вопросы, а кто-то вдруг всё меняет в своей жизни, разрывает старые связи и уходит в неизвестность. Но таковые, как показывает практика, увы, в меньшинстве...

Глаза Ильи приобрели сиреневый оттенок, и я почувствовала, что погружаюсь в их мутящую глубину. Он так долго смотрел мне в глаза, словно пытаюсь что-то понять обо мне или разглядеть мою душу. У меня закружилась голова от его взгляда, я опустила глаза и принялась пристально изучать свои руки. «Всё-таки он очень странный, неизвестно какая у него будет реакция на те или иные слова, что вдруг может взбрести ему в голову». Это одновременно и притягивало, и пугало. Видимо он почувствовал мое замешательство и стал шутливо раскланиваться.

– Ну, пора и честь знать. На улице почти ночь и юной леди давно пора спать, а не слушать сумасбродные бредни.

– Илья, куда же ты пойдешь на ночь глядя? Оставайся, у меня полно места. Да и тебе завтра не на работу.

– Это да. Но знаешь ночь не просто самое безопасное время для прогулок, но ещё и самое волшебное. Представь, город спит, абсолютная тишина, теплый свет фонарей делает город неузнаваемым и таинственным, будто это вообще какое-то другое место. Чувствуешь абсолютную свободу, и в голову приходят очень странные, но порой очень глубокие мысли.

– Звучит заманчиво. Но всё же, когда доберешься, позвони мне, чтобы я не волновалась. Ты ведь, наверняка, и телефон мой знаешь?

– Конечно. – его глаза искрились синими лучиками. – Доброй ночи. Удивительных снов. Он уже начал спускаться по лестнице, когда я все-таки задала мучивший меня вопрос.

– Илья, и всё же, зачем ты искал меня? Всё дело в твоих картинах? Вернее в том, как я их вижу?

Он оглянулся и пристально на меня посмотрел.

– Нет. Просто почувствовал родную душу.

Его быстрые удаляющиеся шаги, а в ушах гулко пульсирует кровь, и ком подкатил к горлу. И вроде ничего такого он не сказал, но его взгляд, от него мурашки по коже.

Я как-то сразу провалилась в сон, но почему-то без сновидений. Для меня это было необычное состояние, ведь я привыкла видеть очень яркие сны, сны-погружения. Иногда они походили на целый фильм, какой-нибудь экшен, с погонями, адреналином и неизменными любовными сценами. Иногда это были фантастические сны, действие которых происходило на других планетах или в других мирах. Когда я просыпалась, то по горячим следам, ещё не остыв от эмоций, записывала их в свою тетрадь, которую тоже никому не показывала. Если молодые и креативные все-таки выпрут меня из профессии, начну писать сценарии к фильмам, на основе своих снов. Благо даже придумывать ничего не надо, только выписать красочно детали. Проснувшись, и поняв, что на этот раз записывать нечего: или мне ничего не снилось, или сон просто стерся из моей памяти, я почему-то подумала, что единственный человек, которому я смогла бы показать тетрадь своих снов – это Илья. Мне действительно на удивление легко с ним, иногда даже не надо ничего говорить – он словно читает мои мысли, чувствует тоже, что чувствую я. Такое редко случается в жизни. Обычно это или поверхностные разговоры, «ни о чем», от которых начинается резкое оупление, и хочется поскорее уйти, закрыться в свое одиночество и почитать любимую книгу. Ведь писатели – это те, кто обнажаются перед людьми, открывают свой внутренний мир, рассказывая о своих глубинных переживаниях, делясь своими чувствами, страхами и сокровенными мыслями. Это почти максимальное обнажение, мир человека у тебя на ладони. Но одни миры завораживают, зовут за собой, пленяют, хочется там остаться, или поселить этот мир в своем сердце, чтобы он стал частью тебя, некоторые оставляют равнодушными, а иные отталкивают, раздражают, вызывают даже отвращение, или, по крайней мере, непонимание. Я вспомнила фильм «Клетка», где главная героиня проникала во внутренние миры других людей, и как одни были прекрасны и божественны, а из других хотелось сразу же вынырнуть, ибо они пугали и вызывали озноб омерзения. С людьми не все так просто. Поверхностные разговоры не могут дать никакого представления о внутреннем мире человека. И не понятно, то ли там просто ничего нет, то ли человек скрывает то, что для него важно, сокровенно. Не будешь же открывать душу первому встречному. Илья был, пожалуй, первым человеком, с которым мне вдруг захотелось разговаривать, делиться своими чувствами и переживаниями. Я говорила с ним, даже когда его не было рядом, но мне казалось, что он все равно чувствует и понимает меня. Поэтому вчерашняя его фраза про «родную душу» так согрела меня. Значит, мне не показалось, значит, он испытывает нечто похожее. Иначе просто не стал бы разыскивать меня, не пришел...

Ожил мой сотовый, сообщив, что пришло новое сообщение. Оно было от Ильи. «Пора, красавица, проснись: открой сомкнуты негой взоры...». А ведь я и впрямь только проснулась. И сразу по телу разлилось благодатное тепло, умеют же люди одной фразой поднять тебе настроение и заставить тебя целый день летать.

«Почему не позвонил, как дошел?»

«Мне показалось, что ты уже спишь сном младенца. Не хотел будить».

«Тебе не показалось».

Через два дня мы с Ильей встретились, просто гуляли по городу, болтали обо всем на свете, я делала его фотки, и он очень забавно мне позировал. То сидел с отрешенным видом и мрачно смотрел вдаль, то делал уши и высовывал язык, как заправская овчарка. Я смеялась от души, точнее до колик. Меня всегда поражали в нем эти переходы: то он смеялся, как мальчишка, безудержно шутил, то вдруг становился очень серьезен и мог часами говорить об очень глубоких вещах.

– Кстати о снах. Что тебе сегодня снилось? Если не секрет, конечно...

– Я уже начал новую картину. Из сна, который приснился дня три назад. Но я хочу ее тебе показать, интересно, что почувствуешь ты.

– А я все свои сны записываю в тетрадь, о существовании которой никто не знает.

– У меня многотомник, все мои тетради лежат в одном из ящиков комода, запертом на ключ. Сны это нечто интимное, сокровенное, непонятное даже для тебя самого, некие послания из высших миров, которым уже всё ведомо. Я стал записывать сны после того, как один из них сбылся почти до мелочей. Меня это потрясло.

Мы были почти на окраине города, всё больше деревьев и меньше построек, какие-то пустыри. Мне вдруг стало так хорошо, легко, будто город отпустил меня, расцепил свои удушьяющие объятия, наступила тишина, постоянный шум машин, который фоном присутствует в городе, где бы ты не находился, исчез и я стала слышать пение птиц. Невероятное умиротворение наполнило мое сердце. Мы подошли к какому-то странному зданию, похожему на длинный сарай, и Илья открыл дверь, пропуская меня вперед.

– Извини за страшный бардак, но это моя стихия.

Сначала я вообще не поняла, куда я попала. Увидев этот сарай, я подумала, что попаду в какие-то заваленные старьем сени, везде будут груды мусора, старинные чайники, чугунные утюги, словом старинный хлам. Моему удивлению не было предела, когда я увидела супер современный дизайн, прекрасную отделку. Помещение было разделено на отсеки. Небольшая гостиная с уютными креслами и диванчиком, прекрасный резной столик ручной работы, на нем стояла чашка с остатками чая, которую Илья смущенно потащил на кухню. Следом была расположена библиотека, она же кабинет. Стеллажи с книгам занимали всё пространство от пола до потолка. Я ещё никогда не видела столько книг (разве что в библиотеке). С благоговейным трепетом я приблизилась и стала изучать корешки. Множество книг по искусству, поэзия, философия, эзотерика. На каждом стеллаже были книги одного направления, они были расставлены в соответствии с определенной системой, понятной лишь их хозяину. Возможно, в середине стояли те, что читались и перечитывались по многу раз. В некоторых были закладки. Я подумала, что наверняка Илья читает с карандашом в руках. Я и сама так делаю, да и у других – сразу видно какая мысль привлекла человека.

Вошел Илья с двумя бокалами шампанского и огромной тарелкой клубники.

– Все-таки решил воплотить свой план в жизнь?

– Ты о чем?

– Ну, напоить и потом оказать первую медицинскую помощь...

Он слегка покраснел, и вручил мне бокал с шампанским.

– Просто это событие надо отметить, я не так часто приглашаю в свою мастерскую гостей.

– Ты не сказал, что мы идем в мастерскую, мы же просто гуляли.

– Это сюрприз. Люблю делать сюрпризы. Ты ведь не против?

– Я потрясена. И тем как твоя мастерская закамуфлирована снаружи, и богатством и разнообразием твоей библиотеки.

– Её начал собирать ещё мой дед. Здесь встречаются удивительные фолианты, редкие книги, рукописи. Затем ее пополнял отец, ну и я иногда что-то покупаю. Правда, времени на чтение почти нет. Но когда меня покидает вдохновение, сижу здесь вечерами и ночами, читаю, размышляю, нахожу созвучные мысли.

– А как к тебе приходит вдохновение? И как вообще ты начал писать такие картины, о существовании которых большинство даже не догадывается? Ты же сам говорил, они видят только мазки, но не могут войти внутрь картины.

– Я вхожу в некое трансное состояние, возникает ощущение будто кто-то водит моей рукой по холсту. Но я сам до сих пор не понял, как можно входить в него по своему желанию. Поэтому, когда я в обычном состоянии, пишу портреты на заказ. Благо мастерства хватает, но только и жду, когда придет это состояние, и иногда пишу сутками, запираюсь, чтобы никто не мог мне помешать, отключаю все средства связи – и парю...

– Но кто водит твоей рукой? Ты никогда не задавался таким вопросом. У тебя даже предположений никаких нет?

– Предположения есть. Возможно, это я сам, только более совершенный, живущий в глубине меня, моя истинная суть. Поэтому я так не люблю все эти шумные мероприятия, походы в гости, пикники, пустые разговоры. Я словно отдаляюсь от себя настоящего и только и жду момента, чтобы вновь стать собой. Я понимаю, это всё часть моей жизни, но мне жаль отведенного мне времени на эту пустоту и бессмыслицу. Кто знает, может уже завтра меня не станет, а я так ничего толком и не успел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.